

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Бауэр Эдгар
Церковь, государство и индивид
1847

Скопировано 08.02.2024 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=2867>

Перевод с немецкого. Из газеты «Der Sozialist» Густава Ландаэура за 1910-й год. Оригинал, предположительно, датируется 1847-м годом, и был опубликован под псевдонимом в пятитомнике «Bibliothek der deutschen Aufklaerer des achtzehnten Jahrhunderts», за который Бауэр присел на четыре года в тюрьме-крепости города Магдебург.

ru.anarchistlibraries.net

Церковь, государство и ИНДИВИД

Бауэр Эдгар

1847

(...) Если же религия — это результат духовной нищеты, если она зарождается из страха индивида, чувствующего себя пустым, ничтожным, ничего не понимающим, то как из пустых индивидов может возникнуть содержательное сообщество?

А если государство есть результат чувства зависимости, если происходит оно из нужды индивида, ощущающего себя бессильным, грубым, преступным, то как из может из огрубевших индивидов вырасти одухотворённое общество?

Слава церкви посему является дешёвой ложью, а мощь государства — комедией. Церковь есть коллектив, который борется с нищетой детей своих при помощи догм и таинств, а государство есть связь, противодействующая беспомощности верных и послушных при помощи полиции, уголовных законов и тюрем. Посредством установления догм, т.е. мнений, которые должны царить вечно, непрекаемо и свято, церковь доказывает лишь то, что

она — приведённая в форму неспособность к мышлению. А посредством установления законов, которые должны регулировать вечно беспокойный дух, бесконечную разницу общественных событий, из которых ни одно не походит на другое, государство доказывает, что является лишь организованной анархией.

Церковь и государство должны опасаться срыва масок, должны бороться со своими революционерами, но они должны также, как и во всей своей деятельности, при борьбе с революционерами открыто демонстрировать свою ложь. В этом — их проклятие.

Чем государство намерено опровергнуть революционера? Насилием! Слава, утверждающая, что была утверждена Богом, не имеет более духовного оружия, чем насилие. А чем же хочет церковь удовлетворять метания и потребности религиозных сердец? Посредством формул, таинств, куском хлеба и глотком вина, сутаной и колораткой. Чем она собирается опровергать божественное вдохновение? Проклятие служит последним оружием любви.

Когда же религиозный революционер отделяет церковное от религиозного и делает индивида церковью, то он доказывает церкви прозрачность её формул; а когда революционер политический отделяет смысл законности от государственности и делает индивида государством, то он, конечно, доказывает государству, что его институты суть схемы, в которых не пульсирует жизни; но оба революционера ничего этим не добиваются.

Религиозная свобода революционера заключается в бытии рабом религии настолько, что он больше не нуждается во внешних догмах и таинствах, дабы жить и умереть вполне по-божески. Политическая свобода заключается в бытии рабом государственной идеи, т. е. зависимости и законности, настолько, чтобы более не нуждаться во внеш-

них принудительных законах, чтобы во всём, что я мыслю и делаю, мыслить и действовать политически.

Религиозная свобода завершает так религиозное рабство, а свобода политическая является ни чем иным, как завершением рабства государственного.

Церковные догмы возвышают меня над работой души, святости позволяют мне иногда быть по-мирски независимым, даже иметь собственные мысли, если я хотя бы иногда воцерквляюсь и произношу «Отче наш»; они на мгновения освобождают меня от церкви. Причастие, во время которого я иногда поглощаю плоть Христову, представляет меня как довольно дурного человека, недостойного самого по себе, которому лишь чужая сущность, чужая кровь придаёт собственную ценность; но меня всё же удовлетворяет то, что я ношу в себе тело Спасителя, и я снова на некоторое время предаюсь своим делам. Но если я знаю лишь одно причастие, разжёвываю тело Христово не стирающимися, духовными зубами, принимаю его в свой никогда не переполняющийся, духовный желудок, то больше никогда не отлучаюсь от чужой крови, становлюсь её вечным рабом и она всегда проповедует мне мою никчёмность, где бы я ни был и что бы ни делал.

Государственные учреждения делают удобным моё политическое существование, хорошее правительство, может быть, заботится о том, чтобы я вместе с моей женой мог в своих четырёх стенах быть вполне сносным обывателем, оно забирает у меня часть моей политической ответственности, т.е. время от времени освобождает меня, если я как раз не имею несчастья быть обладающим недвижимостью кандидатом в мэры города или я не плачу налогов. Революционер отказывается от этой свободы; тогда мне и в моих четырёх стенах приходится быть гражданином и даже при зачатии детей думать о том, что я

создаю граждан, а все мои скраб и пожитки должны принадлежать государству.

Оба революционера, как уже сказано, никогда и ни за что не добьются чего-либо достойного.

(...) Революционеры и институты ходят по кругу в своей бесконечной, безрезультатной борьбе; решение же лежит вне них.

(...) То, что истинной формой церковной жизни служит уединение, в котором можно быть лишь проклятым, одиночество, в котором можно лишь быть, подобно Карлштадту, глухим ко всему миру; то, что, затем, истинной формой политической деятельности служит невыносимое поведение, когда можно быть лишь зарезанным, подобно Марату; это доказывает, что религия и политика, как бы они не гордились своими порождениями государства и церкви, являются абсолютно асоциальными. И наоборот, что церковь и государство, хвастающие своей превосходной общественностью, не могут опровергнуть своих революционеров иначе, чем посредством их исторжения, посредством их проклятия и сожжения, посредством их ареста и казни, это доказывает также их нечистую совесть из-за их асоциальной сущности: они не могут потерпеть, когда революционеры раскрывают их истинное существо, они раскрывают сами себя. По их орудиям узнаете вы их: они наказывают посредством изгнания их своего общества и доказывают тем самым беспомощность своей социальности.

(...) Ничто так не изолирует как государственная униформа, в которую люди дают засунуть себя правительствам, или, более того, ради подтверждения которых они создают правительства. Смысл униформы таков, что все равно являются нулями. Лишь при различиях, при противоположностях, как между мужчинах и женщинах, возможны тесные отношения, лишь для самодостаточной лично-

сти возможно отдаться кому-то без страха; только такие личности нуждаются друг в друге, чтобы получать отдавая и получая отдавать. Униформированные люди, в лучшем случае, нуждаются в другом ради самолюбования. Личности оплодотворяют друг друга, между униформированными существует лишь похотливая проституция, когда люди презирают, покупают, оплёвывают и попирают друг друга ногами...